

Е.П. Педчак

На железной дороге

Стихотворение представляет собой рассказ в стихах. Но сюжет в поэзии всегда носит особый характер, характер общения, стремится к превращению случая — в событие.

Место действия — небольшая железнодорожная станция: «платформа, сад с кустами блеклыми», железнодорожная насыпь, «некошенный ров».

Первая строфа сразу вводит трагическую развязку и мотив ее противоестественности. Он подчеркнут противопоставлениям «смерть — жизнь»:

«лежит» — «и смотрит, как живая»
«...красивая и молодая...»

Рифма («живая» и «молодая»), поддержанная внутренней рифмой (живая, красивая, молодая), утверждает образ прекрасного, полного жизни существа и противопоставляет мысли о смерти.

Поэт рассказывает о жизни и смерти неизвестной так, как будто пережил все, что выпало на ее долю, вместе с ней. До конца пятой строфы он ни разу никак не назовет ее, нет даже местоимения «она»:

Лежит и смотрит, как живая...
Бывало, шла походкой чинною...

Отсутствие подлежащего сокращает расстояние между ней и поэтом; создает ощущение, что он знает каждое движение ее души. О ней, о мертвой, рассказано как о живой, способной чувствовать, ждать, волноваться, желать любви, жадно глядеть в окна пролетающих мимо вагонов. Ей противопоставлен окружающий ее мир вещей и людей, мертвенно неподвижный, механический, неспособный к живому движению и развитию, к живому чувству:

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели...
Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом...

Немногие детали — «во рву некошеном», «в цветном платке, на косы брошенном» — вызывает ассоциацию с деталями народной жизни и вводят образ в широкий контекст — «Россия».

Основная — «событийная» часть — создана воображением автора. Она включает всего лишь некий возможный эпизод из жизни героини: героиня и проносящийся мимо поезд.

Эта ситуация превращается в символ трагического столкновения мечты с безжалостной действительностью, символ недостижимости счастья.

Рассказ строится на немногих конкретных деталях — поезд, желтые, синие и зеленые вагоны; пассажиры, глядящие из окон; гусар, облокотившийся «на бархат алый».

Устойчивый у Блока (и вообще традиционный для поэзии) образ дороги-жизни в стихотворении приобретает особый экспрессивный смысл. Он вносится уже заглавием — «На железной дороге». В контексте блоковской поэзии это обычное сочетание приобретает особый эмоциональный оттенок, привносит представление о мертвенности, холодности, трезвом расчете, губительном для мечтательных порывов души.

Образ движения жизни создан изображением проносающегося поезда. Поезд, которому сначала придаются обманчивые черты одухотворенности («три ярких глаза набегающих»), по мере развития темы теряет их.

Метафорическое словосочетание «пустынные глаза вагонов», противостоящее первоначальному — «три ярких глаза набегающих», подготавливает выразительную при всей ее простоте метафору:

Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Слово «железная» в тексте стихотворения прилагается не к слову «дорога», в сочетании с которым оно обозначает только вид транспорта, а к слову «тоска». Если соотнести его значение со значением того же слова в других произведениях Блока, мы услышим в нем глухое отчаяние, порожденное жестокостью бездуховной, механической цивилизации «страшного мира»:

Тоска дорожная, железная...
Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!

Главное, ключевое слово — «железная» тоска. В нем, как в фокусе, сходится целый ряд эпитетов: «шли привычной линией», «обводили ровным взглядом», «в пустых мечтах изнемогая», «кинуто в пустынные глаза вагонов». Это мир, умертвляющий душу. Живое чувство в нем — случайность или привычная маска, за которой пустота.

Лишь раз гусар, рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой нежною...
Скользнул — и поезд вдаль умчало.

Кто населяет этот мир? Жандарм, гусар, сонные и равнодушные обыватели... Этой бездушной стихии противопоставлена стихия живая, народная:

В зеленом плакали и пели.

«Плакали» и «пели» — слова-символы. В них вся судьба народная.

Столкновение живой человеческой души с мертвым, «железным, страшным миром» неизбежно ведет к трагической гибели — «давно уж сердце вынуто!..»

Заключительная строфа напоминает первую, но не тождественна ей:

Не подходите к ней с вопросами,
Вам все равно, а ей — довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена — все больно.

Эта строфа вводит мотивы, получившие развитие внутри стихотворения: сочувствие одинокому, гибнущему человеку, страстно стремящемуся к счастью, и беспощадное отрицание действительности, отрицание «железного» века.